

ТРЕПЕТНАЯ тишина разлилась по большой уютной комнате, где тесно, плечом к плечу, сидят рабочие парни. Не уместил всех красный уголок ростельмашевского общежития № 11. Кто-то примостился на подоконнике, кто-то прислонился к косяку двери. Кто-то секундой позже ворвался было сгорая, но сразу несколько рук осадили запоздавшего, и тот сконфуженно опустился на корточки прямо возле стены да так и просидел, не шелохнувшись, пока звучали в этой трепетной тишине негромкие взволнованные голоса актеров, показывающих фрагменты из спектакля драм-

ре постановки «Мой сын Володя» предшествовал год напряженного, волнующего «вживания в образ», уже одно прикосновение к которому обогащало его как человека и ставило перед ним — актером — одну задачу сложнее другой. И когда, наконец, состоялась премьера и найденное в репетициях укреплялось от спектакля к спектаклю, когда «Мой сын Володя» был показан в Казани, где критики с особой придирчивостью оценивали работу молодого актера, стало очевидно, что Демченко во многом достоверно и убедительно — насколько позволял материал роли — раскрыл в семнадцатилетнем юноше черты будущего вождя, что артист действительно имел право на воплощение этого образа.

Появление Э. Демченко в роли Володи Ульянова могло

Его Всеволод Кичигин — рабочий паренек из драмы В. Лаврентьева «Чти отца своего» — мгновенно и надолго покориł ростовчан, затем минчан да и всех, кому довелось с ним познакомиться. Именно в этой яркой характерной роли, помимо счастливого обаяния молодости, юмора, искренности, Демченко делал, быть может, сам того не ведая, первую заявку на роли социального звучания.

В страстном максимализме Севки—Демченко, в абсолютном неприятии лжи, ханжества, расчетливости, накопительства, в его напряженно звенящем голосе, в руках, демонст-

сражались за Родину» в роли маленькой, почти эпизодической, Демченко успевал немало рассказать о молоденьком комбате Сумскове, последнем оставшемся в живых офицере полка. В стройном офицере, сейчас смертельно уставшем, а потом и смертельно раненном, чувствовалась отеческая любовь к солдатам, желание подбодрить их, увидеть победителями. Сам он и умирал, оставаясь на посту, отдавая ослепшим голосом последние команды.

И в этой роли, и в роли советского моряка Василия Курбатова («Эмигранты» А. Софронова), помимо некоторого сценического опыта, наверное, сказался и жизненный опыт солдата, рабочего. Сколько таких крепких, немногословных, порою, может быть, резковатых, но безраздельно преданных Родине, сколько прекрасных ребят видел Эдуард в армии, на заводе!

Новые грани характера, взятые на самом глубоком срезе социального бытия, давались воплощать еще молодому актеру в роли немолодого уже солдата царской армии, помятого жизнью Ивана Сысоева («Первая Конная» Вс. Вишневского). От забитого, замордованного мужика прощадит он путь к сознательному солдату красной кочницы.

И Позднышев, и Сумсков, и Курбатов, и Сысоев, столь несхожие меж собой, но объединенные актерским поиском социальной значимости образа, способствовали внутреннему мужанию актера, раскрытию в нем самом черт социального героя, помогли ему подступиться к задаче чрезвычайной сложности — созданию образа Владимира Ульянова.

...Сцена есть сцена. Вчера драма, сегодня комедия властно вовлекают тебя, актера, в свою стихию. Сегодня эксцентрические приключения английского скульптора («Темная история» П. Шеффера), завтра раздумья, метания и неуемная жажда творчества славного человека — художника-кукольника Кузьмы Балаянова («Сказки старого Арбата» А. Арбузова)... И пора уже, пора уже снова появиться артисту Эдуарду Демченко в неожиданном для зрителей, а то и для самого актера, качестве. Он доказал свое право на это.

Н. КИДИНА.

Образы Эдуарда Демченко

● АКТЕРЫ И РОЛИ ●

театра имени Горького «Мой сын Володя» Ю. Яковлева.

Эдуард Демченко — в роли Володи Ульянова.

Стремительный и озоранный возвращается студент Казанского университета из рабочего барака. Гордой радостью светится каждая черточка его одухотворенного лица:

— Их не купишь за пятак! Они — такая сила!

Кипением молодой свободной энергией притягивает Ульянов—Э. Демченко, юношеской чистотой и порывистостью, трогательной заботливостью о матери, суровой непримиримостью к чиновничеству, еще детской непосредственностью, горячностью и мужеством уже складывающейся личности борца за народное счастье, целеустремленностью в поиске единственно верного жизненного пути.

Этой встрече Э. Демченко с молодыми ростельмашевцами, многим другим встречам с рабочими, студентами, школьниками, войнами, самой премье-

показаться неожиданным для тех, кто видел его не в одной комедии. А надо сказать, что Эдуард чувствует себя в них легко и непринужденно, будь то современный водевиль или классическая пьеса («Платье и шпаги»). Его герои мило напевают куплеты, одаряя зрителей искрящимися улыбками; они добродушны, наивно-простоваты; обаятельны и правдивы в лирических ситуациях, как, впрочем, и во всяких иных; их любви, беззаботной или одолевающей препятствия, безоговорочно веришь.

Его Пэлэ, итальянский сапожник, у которого солнцем и песнями полна голова (первая роль, полученная в театре), в комедии Г. Мдивани «Украли консула» легко нашел дорогу к зрительским сердцам, хотя сегодня, наверное, один Эдуард помнит, скольких мук стоила ему хотя бы та сцена, где он лихо вилокачивал гвозди в старенькие туфельки своей возлюбленной и одновременно заливался соловьем, как будто пение и забивание гвоздей всю жизнь были его единственной заботой.

ротивно скрепленных на груди, как жест независимости и непримиримости, — во всем была уже не детская воинственность младшенького, любимчика в семье, которому любой бунт спустится. Здесь явственно заявлял о себе гражданин, будущий хозяин жизни — рабочий человек.

А меньше чем через год Эдуард получит роль большого драматизма, одолеет ее не сразу и не к премьере. Сложная запутавшаяся в противоречиях натура матроса Ивана Позднышева из драмы А. Штейна «Между линиями». Отец — комиссар революции, а сына прибило к анархистам. В яростной слепоте кидает он отцу:

— Так я-то, батя, не в вашей партии...

А когда догонит Ивана—Демченко пуля бывшего друга-анархиста, закричит он запоздало отцу: «Вы ж — батя. Выручайте!». Холодеющий, восторгается отчаянно — ох, как жить хочется! — и, глянув напослонец на весь белый свет прозревшими глазами, разлепит стылые губы:

— Вжину...
В инсценировке «Полк идет» по роману М. Шолохова «Они